

Олег Губарь

Путеводитель по пушкинской Одессе*

IX квартал

Обратимся теперь к образцам синхронной застройки IX-го, соседнего квартала, ограниченного улицами Дерibasовской, Ришельевской, Греческой, Екатерининской. Изначально сторона девятого квартала Военного форштата по Дерibasовской улице включала четыре равноценных по площади места № 69-72. Угловые участки считались более выгодными, проездными, и застраивались в первую очередь. Согласно ведомости розданным местам от 15 сентября 1794 года, составленной военным инженером капитаном Федором Кайзером, сказанные номера получили: купец Суровцов, отставной матрос Андрей Семенов, капитан Дияуров, инженер унтер-цейхвартер Винтулов²⁷⁶. Первично места, понятно, раздавались преимущественно военным, в том числе флотским, из которых не многие сумели построиться, ибо не имели достаточных средств, да и перемещались по служебным обязанностям. Поэтому участки переходили в другие руки, нередко многократно. Кроме того, уже в 1795-м явно произошло частичное официальное перераспределение мест, так как зимой 1794-1795 годов приватное строительство едва ли производилось по объективным причинам.

Поэтому первым застройщиком углового места № 72 по Екатерининской стал не Винтулов, а полицмейстер Кирьяков, вскоре продавший эти небольшие постройки Врето (подробности – в разделе о Екатерининской улице). *Георгий (Егор, Юрий) Врето* –

* Продолжение. Начало в кн. 64, 66, 67.

фигура очень интересная. Уроженец ионийского острова Кифера, он был волонтером в русско-турецкой войне и после заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора жил в Крыму, дослужился до майора, одно время состоял директором таможни в Козлове (Евпатории), активно занимался торговлей, вступил в гильдию.

Врето – один из пионеров, по сути, основателей Одессы. Как человек, располагавший средствами, он изначально получил семь мест в трех разных районах Греческого форштата, однако в итоге облюбовал и окончательно застроил сказанный угол. В.А. Чарнецкий пишет: «В 1796 году на углу Дерibasовской и Екатерининской улиц крупный негодциант Георгий Врето построил двухэтажный дом, в котором весь первый этаж был отведен под магазины. Дом этот не производил впечатление ветхого, но был снесен для постройки на его месте ресторана «Братислава»²⁷⁷. Первичное название ресторана – «Юбилейный» (1967), но это несущественно. Существенно другое: первичный дом Врето в 1844-м достраивался его наследниками, в два этажа.²⁷⁸ Сопоставление

«Блинная» – популярное заведение, находившееся на месте дома Врето до середины 1960-х.
В 1967-м тут построен ресторан «Юбилейный» («Братислава»)

городских планов 1802-1803, 1807, 1814 и 1828 гг. свидетельствует об изменении числа и масштабов построек. По крайней мере, часть архаичных построек явно была одноэтажной, но довольно высокая оценочная стоимость в 1824-м – 20.000 рублей²⁷⁹ – говорит о том, что угловое здание в ту пору было двухэтажным.

Так что Пушкин застал на оживленном перекрестке двухэтажный дом, первый этаж и подвалы которого занимали многочисленные лавки, магазины и проч., которые вполне мог посещать, поскольку обитал в Клубной гостинице, расположенной на соседнем перекрестке. Есть информация о том, какого рода заведения здесь располагались. Прежде всего, тут со времен Ришелье, Кобле, Ланжерона и на протяжении многих десятилетий традиционно функционировали салоны самых популярных, элитарных модельеров,²⁸⁰ куаферов,²⁸¹ часовщиков,²⁸² мастеров по декорированию тканей, ремонту зонтов²⁸³ и др.

Товары и услуги

О том, какие именно товары и услуги интересовали лиц из пушкинского окружения, да и самого А. С., можно узнать из писем его confidentки В.Ф. Вяземской супругу. Княгиня Вера Федоровна как раз стремилась найти в Одессе оригинальные подарки для Павла Андреевича, домочадцев, родственников, друзей и близких знакомых. Вот хронологический перечень презентов. 13 июня 1824-го, мужу – шляпа, пара полосатых брюк, трость, книжный нож и другие мелочи. 23 июня, Марии Трубецкой – блузка и батистовые платки. 25 июня – еще блузка с поясом в подарок, разнообразные носовые платки – дюжина стандартных, три шотландских – мужу, два персидских, вышитых золотой и серебряной нитью, два вышитых воротничка. 4 июля, детям – куклы, блузки. 15 июля, мужу – табак и шесть мраморных трубок. 7 июля В. Ф. просит в случае отправления мужа в Одессу привезти два куска российского холста, поскольку здесь он вдвое дороже. 18 июля, мужу – снова трости и мелочи; при это Вяземская уточняет, что ранее посланную шляпу, как и ее собственную, хорошо сделал *французский купец мсье Bauvet*. Как тут не вспомнить

П.А. и В.Ф. Вяземские

купленную Пушкиным в Одессе шляпу из итальянской соломки. В том же письме от 18 июля Вера Федоровна пишет, что если супруг переедет сюда со всею челядью, то швея ей не потребуется, ибо она наняла таковую на месте. 25 июля, мужу – две трости, три пары изысканных подтяжек для панталон под сапоги, несколько жилетов; купила для себя булавки. 27 июля, мужу – об отправке части перечисленного в предыдущем письме плюс изготовленной из рога щетки и др. 4 августа княгиня описывает, как собака изорвала ее зонтик, причем сообщает супругу, что зонтик из китового уса на металлическом каркасе, то есть приобретение явно одесское. 5 августа В. Ф. пишет мужу о том, что привезет преysкурранты, разные необходимые для домашнего хозяйства недорогие вещи и кипрское вино. 16 августа – спрашивает, получены ли три дюжины новейшего фасона английских перчаток; говорит, что ищет ножи и вилки.²⁸⁴ Графиня Е.П. Гурьева заказывает шляпки в Петербурге «у знаменитой мадам Ксавье, в свою очередь посылая ей перья и украшения, приобретенные в Одессе».²⁸⁵

Женская половина семейства Туманских не раз озадачивала Василия Ивановича покупкой в Одессе дорогих импортных тканей, платьев и проч. Туманский по мере возможностей исполнял такие комиссии, однако сетовал, что это осложняется существующим режимом порто-франко. В самом деле, при пересылке непременно приходилось платить пошлину, а вот с оказией сию разорительную процедуру обычно удавалось обойти.²⁸⁶ Когда В. И. находился в Москве, ему тоже поручили приобрести платья, однако заказ этот он выполнил далеко не в полном объеме, поясняя, что лучше пришлет что-нибудь из Одессы, ибо «здесь (в Москве. – О. Г.) всё страшно дорого и гадко».²⁸⁷ Кроме того, Туманский покупал для родни вина²⁸⁸ и, как и Пушкин, шоколад²⁸⁹.

Из всего этого перечня видно, что состоятельные приезжие в ту пору приобретали преимущественно качественные зарубежные товары, предметы роскоши. Тот же ассортимент через посредников заказывали иногородние покупатели. Именно по этой причине в Одессе довольно рано появились так называемые «английские магазины», в которых, впрочем, предлагались изделия многих европейских стран.

* * *

Еще любопытный момент. Пользовался ли Пушкин услугами местных *модельеров, портных*? Похоже, да. Об этом косвенно свидетельствует следующий пассаж адресованного ему письма Ф.Ф. Вигеля от 8 октября 1823-го, из Кишинева: «Попросите от меня Никиту взять у портнова платье и уверить, что денег у меня теперь нет, а непременно скоро заплачу. С отъезжающими пришлите его ко мне».²⁹⁰ Как говорится, без вопросов: адресат в курсе, о каком портном идет речь и где его искать. Накануне Вигель фактически лишь проезжал через Одессу, был в ней человеком новым, неосведомленным, и Пушкин указал ему знакомого портного.

* * *

Совершенно очевидно, что Пушкин пользовался и услугами местных *куафферов* и (или) *цирюльников*. По свидетельству современников, «Волосы у него и здесь были подстрижены под гребешок или даже обриты. (Никто, впрочем, из тех, которые знали

Доходный дом Греческого училища

Пушкина в Кишиневе и в Одессе и с которыми мы имели случай говорить, не помнят его больным)». ²⁹¹ Известен ряд парикмахерских и цирюлен, располагавшихся в домах Врето, Райнера, Кирико, Греческого училища с самого начала 1830-х. ²⁹² Судя по всему, некоторые из них функционировали и ранее, но пока не располагаю документальными подтверждениями. Зато со всею определенностью можно говорить, что в пушкинское время они располагались в зданиях на перекрестке Екатерининской и Дерибасовской.

Книжные лавки

Отдельная тема – книжные лавки, они же частные библиотеки и магазины канцелярских товаров. Частично раскрыл ее в одной из давних публикаций. ²⁹³ Насколько можно судить по дошедшей до нас информации, в пушкинское время таких заведений было два или три: купцов Юлия Коллина, Ивана Рубо и Осипа Сорона.

Относительно *Юлия (Жюля, Альфонса, Жюля-Альфонса) Коллина (Колена, Колина, Коллена)*, никаких сомнений быть не может. В газетном сообщении 1827-го сказано следующее: «Г. Колен, имевший прежде в Одессе книжную лавку, принес в дар здешнему Музею два сочинения на французском языке...».²⁹⁴ Эту информацию удастся хронологически уточнить, изучая реестры грузов, доставленных в одесский порт морем в 1823-1824 годах. Так, в ноябре 1823-го ему доставили из Франции 10 коробок вина в бутылках и ящик книг.²⁹⁵ Присутствие швейцарско-подданного Юлия Колена в Одессе фиксируется, по крайней мере, с 1820 года, когда он причислялся в одесское купечество.²⁹⁶ Синхронно в Одессе жил и его отец Марк; оба были масонами.²⁹⁸ Есть и другие сведения,²⁹⁷ однако они не касаются точного местоположения их книжной лавки, а недвижимостью семейство не владело. Можно лишь наверняка говорить о том, что она располагалась либо на Дерибасовской, либо на Ришельевской – главных пассажах той эпохи.

В ГАОО, в именном фонде графа А.Ф. Ланжерона, сохранился счет библиотеки Альфонса Коллина в Одессе («Alphonse Collin libraire à Odessa»), представленный графу и включающий покупки с 18 февраля 1821-го по 1 августа 1822 года. В их числе 25 листов бумаги для рисования (ватман), четыре упаковки мелкозернистого песка для подсушивания чернил, два тома французских опер.²⁹⁹ Из этого следует, что заведение Коллина было элитарным, помещалось в центре, одновременно служило библиотекой, книжной лавкой и писчебумажным магазином.

Другим книгопродавцем и приватным библиотекарем был *Жан-Батист (Иван Мартынович, Иван Маркович) Рубо*, совмещавший книготорговлю с виноторговлей и другими занятиями: в ту пору в Одессе не было четко и однозначно специализированной торговли элитарными изделиями и продуктами. О Рубо дошло не так много живых свидетельств, зато в поле зрения оказался счет, выставленный им графу Ланжерону на собственном фирменном бланке, таком живописном, таком характерном для Одессы пушкинской поры. Не могу не поклониться заведующей отделом Научной библиотеки Одесского национального университета Елене Викторовне Полевщиковой, любезно указавшей

Счет из магазина Рубо

на этот вкусный, пряный документ. Счет выписан на дорогую модную ткань, предназначенную, понятно, графине Елисавете Адольфовне Ланжерон. Уместно вспомнить замечание недоброго, иезуитски наблюдательного, однако хорошего стилиста Ф.Ф. Вигеля о том, какое место занимали щегольские дамские наряды на тогдашнем одесском олимпе и в какое разорение вводили они меркантильных отцов и мужей.

В одном из солидных дореволюционных справочников сообщается о том, что Рубо приехал в Одессу примерно в одно время с де Ришелье, в 1803-м. Это подтверждается архивными данными, причем было ему тогда всего лишь 18 лет. Лично мне пока удалось зафиксировать присутствие Рубо в городе, по крайней

мере, весной 1809-го. Сюжет этот связан с продажей с публичного торгового казенного дома, находившегося на углу нынешней улицы Бунина и Александровского проспекта, в котором квартировали штаб-офицеры. В торге приняли участие довольно известные персонажи той поры: аптекарь Христиан Шмидт, купец Кондрат Сапожников, коммерции советник Жан Рено плюс иностранец Батист Рубо. Аукцион проходил жестко, соревновательно, и победу одержал Сапожников, семейство которого тут надолго обосновалось. При этом первоначальная цена лота выросла на целую треть.³⁰⁰ Мы еще будем подробно об этом говорить, когда наш маршрут продолжится по Александровскому проспекту и Полицейской улице.

Не добившись успеха в этом конкурсе, Рубо в следующем, 1810 году, подал прошение об отводе участка под застройку – по Польской улице, занимавшего середину квартала меж Греческой и Полицейской, то есть того, что теперь примыкает с тыла к «пушкинскому дому» по Пушкинской, № 13. Просимое место он получил, устроил некое примитивное строение, а затем по каким-то причинам, надо полагать, связанным с коммерцией, надолго покинул Одессу. В конце 1816 года упомянутую «неплановую» постройку оценили и вместе с участком передали в другие руки, причем новый владелец уплатил должную сумму, каковая до возвращения Рубо хранилась в Строительном комитете. В итоге в августе 1817 года место оказалось во владении Шарля Сикара, который позднее застроил его флигелями, примыкающими к дому по Итальянской улице со стороны двора.³⁰¹

Имя Рубо снова всплывает в документах, датирующихся 1819-1820 годами. Осенью 1820-го чиновник Строительного комитета Лука Бертини докладывает градоначальнику Н.Я. Трегубову о получении выписанных из Марселя французских литер «для Одесской типографии, которые теперь привезены и находятся в карантине». При этом он представляет «реестр о покупке оных и издержках, полученный им от г-на Рубо».³⁰² Из этого следует, что Рубо выполнял соответствующее поручение во Франции и хорошо согласуется с достоверной информацией о том, что он в первой половине 1820-х занимался книготорговлей в Одессе. Преподаватель Ришельевского лицея К.П. Зеленецкий (1812-

1858), основываясь на показаниях современников, пишет: Пушкин брал книги для чтения, «имея здесь порядочный запас для этого в бывшей французской книжной лавке Рубо». На этот счет имеются любопытные публикации в ретроспективной одесской периодике.³⁰³ Рубо фигурирует и в реестре купцов, занимавшихся экспортно-импортными операциями через одесский порт в 1819-1820 годах.³⁰⁴

Второй, представленный опять-таки с подачи Е.В. Полевщиковой, автограф, от 31 января 1828 года, иллюстрирует деятельность Рубо как книготорговца. Он обращается в правление Ришельевского лицея с предложением принять на себя обязанности поставщика всех необходимых учебных пособий. Из контекста выясняется много интересных деталей: приоритет в этой отрасли, давние связи с европейскими книгопродавцами и проч.

Ранее, в марте 1823 года, Жан-Батист Рубо, уже одесский 1-й гильдии купец, пожертвовал в Комиссию Одесского городского госпиталя вполне пристойную сумму,³⁰⁵ а в дальнейшем его благотворительные взносы регулярно фиксируются по публикациям в «Одесском вестнике». В декабре того же 1824-го года Строительный комитет утверждает «план и фасад» дома, который Рубо все же построил с третьей попытки, по четной стороне Канатной улицы, посередине квартала меж Троицкой и Еврейской.³⁰⁶ В середине 1820-х он избирался гласным Городской думы, а в 1828-м ему отвели под садоводство хутор размером порядка 30 десятин, что как раз совпало с учреждением в Одессе Императорского общества сельского хозяйства Южной России, сыгравшего колоссальную роль в хозяйственном освоении региона. Затем он значительно увеличил это землевладение за Тираспольскую заставу покупкою смежного хутора графа Потоцкого, где устроил образцовое хозяйство. На поприще земледелия Рубо достиг очень серьезных результатов, но это тема отдельного обстоятельного разговора.

Автограф на счете, выставленном Ланжерону, отмечен 26 мая 1822 года. Известно, что в это время и позднее Рубо занимался преимущественно виноторговлей и книготорговлей. Представленный документ свидетельствует и о торговле модными импортными тканями в собственном «салоне новостей»

по Ришельевской улице. А.М. де Рибас пишет: «Рубо продавал вместе с книгами и французское вино». П.Т. Морозов свидетельствует о бойкости книготорговли в тот период: четыре одесских книгопродавца – Клочков, Сорон, Рубо и Миевиль – по его словам, выручали 40.000 рублей чистой прибыли. В 1830-х виноторговля, виноградарство и виноделие вышли на первый план: Жан-Батист содержал один из лучших винных погребов, в доме Тальянского, по Ришельевской. Газетные объявления фиксируют получение им вин из Бордо (между прочим, в народе их называли бурдой, хотя, конечно, отличали от «мутного питья» и неудобоваримой смеси), он реализовывал портер, эль, малороссийские наливки, ординарные вина местного и бессарабского производства и др.

Большую путаницу вносит синхронное присутствие в Одессе другого Рубо (родственника?), табачного фабриканта. Этот Рубо (Жозеф?) оборудовал здесь первое производство нюхательного табака, который не только использовался на месте, но даже вывозился на продажу за рубеж, пусть и в ограниченных количествах. Так, в 1829 году этой фабрикой отправлено на экспорт 2 пуда и 17 фунтов сего экзотического продукта.³⁰⁷ Сказанный Рубо тоже владел хутором и занимался земледелием, но, надо полагать, был старше, ушел из жизни ранее марта 1832 года, и значился не французским, а австрийским подданным.³⁰⁸ Нюхательный табак фабрики госпожи Рубо экспонировался на Одесской выставке 1837 года.³⁰⁹ Дефицит ретроспективных метрических книг одесских католиков сильно затрудняет исследования в генеалогическом направлении.

28 июля 1828 года Рубо опубликовал в «Одесском вестнике» объявление о том, что сворачивает дела по салону «новостей» (то есть мод), а кроме того, «Желающие взять его Библиотеку, могут получить оную также на самых выгодных кондициях».³¹⁰ Но, как видно из более поздних публикаций, библиотека оставалась за ним и в следующем году.³¹¹

Из сохранившихся запросов «Ивана Мартынова сына Рубо» 1832-го и 1835 годов о выдаче свидетельства, фиксирующего его непрерывный «стаж» в одесском 1-й гильдии купечестве, видно: он принял соответствующую присягу 14 ноября 1819-го, и с того времени состоит в 1-й гильдии.³¹²

Книжные знаки Сорона

Наконец, третий наш фигурант: *Жозеф (Осун) Петрович Сорон*, один из первых одесских книгопродавцев и частных библиотекарей, домовладелец, благотворитель, католик. В его и наследников (племянников) лавке также продавались билеты на благотворительные спектакли, общественные увеселения по подписке и др. Его кончина прослеживается по дате перехода магазина к Жану-Батисту Сорону.³¹³ Представители этого семейства, Франсуа и Жан-Батист (Иван-Батист) Сороны, исполняли обязанности правителей канцелярии французского консульства в Одессе, сотрудничали во Французском благотворительном обществе, второй был его казначеем.³¹⁴

Представители этого семейства известны в Херсоне еще с екатерининских времен, когда был учрежден торговый дом «Братья Антуан, Сорон и К^о». Марселец Антуан – Antoine Ignace D'Anthoine Baron de Saint-Joseph (1749-1826) – французский уполномоченный, который вел переговоры с российским правительством о морской торговле. Точная дата появления Соронов в Одессе мне пока неизвестна. Во всяком случае, 2 сентября 1818-го «одесский житель» (то есть уже какое-то время находившийся здесь) Франц Петрович Сорон просил об отводе места на Арнаутской слободке, а получив его, застроил буквально в 2,5 месяца.³¹⁵ Ныне эти места Сорона локализируются в середине нечетной стороны улицы Осипова, дом № 31; постройки более поздние. В пушкинское время эта недвижимость оценивалась в 10.000 рублей и давала 500 рублей ежегодного дохода.³¹⁶ Это может означать, что внаи-мы сдавалась лишь часть строений, а в другой части обитало само семейство.

Книжные знаки братьев Камозн

Поскольку среди одесских Соронов было два Франца,³¹⁷ не всегда можно разобраться, кто есть кто. 23 марта 1822-го в журнале заседаний ОСК упоминается письмоводитель Биржевой депутации Сарон (Сорон) вообще без указания имени.³¹⁸ В местной газете от 14 марта 1831-го сообщается о том, что губернский секретарь Франц Сорон утвержден градоначальником в качестве консультанта Одесского коммерческого суда.³¹⁹ В газетном номере от 22 августа того же года упоминается книжная лавка Осипа Сорона по Ришельевской улице, в доме Мясникова.³²⁰ Это еще раз подтверждает тот факт, что в пушкинское время книжной лавкой владел Осип, а не один из Францев. Дом Мясникова находился на углу Дерибасовской и Ришельевской улиц, и мы будем говорить о нем буквально несколькими абзацами ниже. Из контекста очерков П.Т. Морозова очевидно, что лавка Сорона помещалась в этом доме и ранее,³²¹ однако в пушкинское время она, похоже, находилась в доходном доме, принадлежавшем католической церкви, на углу Ришельевской и Полицейской³²². Этот дом был построен на месте, где прежде располагалась временная Свято-Николаевская соборная церковь.

Говоря о пребывании Поэта в Одессе, его первый биограф П.В. Анненков пишет: «К этой эпохе относится возникшее стремление Пушкина собирать книги, которое заставило его сказать так живописно, что он походит на стекольника, разоряющегося на покупку необходимых ему алмазов». В свое время я проанализировал состав сохранившейся, разумеется, не в полном объеме, пушкинской библиотеки и выделил французские и итальянские издания, предположительно приобретенные у перечисленных одесских книгопродавцев.³²³ Атрибуция некоторых представляется мне чрезвычайно убедительной: к примеру, «Исторический очерк торговли и судоходства на Черном море, или Путешествия и попытки установления торговых и морских сношений между портами Черного и Средиземного морей». Она написана упоминавшимся деловым партнером семейства Сорон, бароном Антуаном де Сен-Жозефом. Или, скажем, «Путешествие Луи-Элизабет де ла Вернь графа Трессана» – книга, гравированная Марком Коллином (!) и изданная в Париже в 1822-1823 гг. Сюда же хорошо подверстываются сочинения Шенье, Альфиери, Бокаччо, Дидро, Данте, Скотта, изданные во Франции и Италии в 1819-1823 годах. Позволю себе снова процитировать П.В. Анненкова: «Рядом с ним (Байроном. – О. Г.) стоял в эту эпоху А. Шенье, которым Пушкин восхищался почти столько же, сколько и первым...».

* * *

Вернемся, однако, к г-ну Врето. Небезынтересно, что в 1800 году он основал в своем доме первое в городе учебное заведение на 40-70 подростков, прообраз будущей коммерческой гимназии, в котором два учителя преподавали по-гречески и по-итальянски.³²⁴ При поддержке герцога Ришелье он способствовал переселению в Одессу около 300 греков из Архипелага, то есть островов Эгейского моря, служил российским генеральным консулом на родной Кифере, получил орден Святого Владимира четвертой степени, вырос в чине от коллежского асессора, что соответствовало чину армейского майора, до коллежского советника (полковника).

О недвижимости его соседей по Екатерининской – Марино, Прокопеусе и др. – мы поговорим в разделе, посвященном этой улице.

Дом Суровцева (Мясникова, Посылиных)

На другом углу этого квартала Дерибасовской (место № 69) обосновался Тульской губернии города Белева купец 3-й гильдии *Борис Никитич Суровцов (Суровцев)*, тоже одесский пионер. При самом основании города он построил две лавки на Вольном рынке (Старом базаре), одно время занимался торговлей мясом. В 1798 году за Суровцовым значатся строения, состоящие из «11-ти покоев и 3-х лавок». Эти помещения он сдавал в аренду, а сам «упражнялся в торговле питиями», был винным откупщиком в тот период,³²⁵ когда доходы от продажи питей поступали в городской бюджет. Дом и три лавки упоминаются в ведомости 1805 года как оконченные строительством,³²⁶ то есть первичные апарт-таменты в тот год как-то перестраивались. С домом на углу будущих улиц Дерибасовской и Ришельевской ситуация непростая. На планах 1802-1807 годов место четко обозначено застроенным, причем как раз угловое. Вместе с тем в целом ряде архивных документов говорится о том, что Суровцова с 1804-го года понуждают к застройке этого участка, а место отведено еще в 1795-м.³²⁷

А суть в том, что первые дома строились «без плана», по возможностям застройщиков. С открытием действий Одесского строительного комитета усилился соответствующий контроль, в особенности над постройками в самом центре. Суровцов не располагал необходимым капиталом для устройства регламентированного строения, а потому в течение без малого десятилетия оттягивал реконструкцию. Ему долго шли навстречу, проявляя снисхождение. Правда, еще накануне карантина 1812 года место решили продать другому лицу, но чума внесла свои коррективы. Наконец, терпение властей лопнуло, и 31 мая 1813 года Комитет постановил, что если Суровцов не начнет строительство со 2-го по 9-е июня, то место отберут категорически.

Строить начали, но в этот момент Борис Никитич преставился. Его супруга Наталия Ивановна и сын Никита от продолжения отказались, начатая постройка и место были проданы состоятельному одесскому 1-й гильдии купцу *Семену Семеновичу Мясникову*.³²⁸ Он занимался оптовой торговлей лесом, владел винным погребом, был одним из комиссаров в ходе ликвидации чумной эпидемии 1812 года, попечителем Соборной церкви. За вдовой

Суровцова и его сыновьями Никитой, Яковом и Федором в 1815-м узаконили две лавки на Старом базаре.

Амбициозный Мясников хотел в один теплый сезон 1814 года застроить более половины квартала, от Ришельевской улицы в направлении Екатерининской. При этом он указывает меру длины по Дерибасовской (Мясников называет ее еще по-старому, Гимназская) улице – 32 сажени. Архитектор *Франческо Фраполли* – он владел соседним местом № 71, меж Мясниковым и Врето, – справедливо заметил ему, что, по данной от Строительного комитета инструкции не может составить план на такое количество земли.³²⁹ Это и понятно, ибо мера каждого из четырех мест в квартале составляла 15 саженей, то есть указанная потенциальным застройщиком длина на две сажени превышала суммарную меру двух мест. Вот тут и становится очевидным, по какому поводу впоследствии развернулась затяжная территориальная война, каковую вела с Мясниковым вдова Фраполли Мария-Аделаида.

Откуда взялось сказанное превышение нормативов? Клубок событий плотен, но распутать можно. Дело в том, что смежное место № 70 в мае-июне 1814 года *по частям* приобрела жена Мясникова Варвара Гавриловна. Одну из этих частей, размерами 20 на 9 саженей продал ей бывший городской голова *Иван Иванович Кафажи* (*Кафажей, Кафаджи*), другую, 20 на семь с половиной саженей, ему же доверил продать Мясниковой херсонский купец *Григорий Афанасьевич Автомонов*, соответственно за семь и пять тысяч рублей ассигнациями. Таким образом, по купчим суммарная длина места № 70 составляет 16,5 саженей вместо положенных 15-ти!

Дом со службами на месте № 69 был окончен Мясниковым в марте 1815-го.³³⁰ Но отмотаем чуть назад. Как активный предприниматель итальянский зодчий Франческо Фраполли оставил своей семье приличное состояние, в том числе дом по Дерибасовской, № 13-й по современной нумерации. Симпатично, что название расположенного здесь ныне отеля «Фраполли» сохраняет память о первом городском архитекторе и его семействе. Впрочем, вызывает недоумение дата, обозначенная на воротах, – 1805. На самом деле первичная постройка была готова уже в феврале 1804 года – это недвусмысленно прописано в документах Одесского строительного комитета.³³¹ Что до сооружения ныне существующего здания, оно осуществлялось

Марией-Аделаидой в 1828-м. История застройки этого принадлежащего семейству места, как мы видели, не только несколько сумбурна и растянута во времени, но и насчитывает немало любопытных персонажей ранней биографии Одессы, в целом иллюстрирует обстоятельства первого этапа градостроительства.³³² В интересующее нас время (1824) дом Фраполли был оценен в 12.000 рублей,³³³ то есть постройки солидные, качественные, но еще одноэтажные.

Мы располагаем еще любопытнейшим архивным свидетельством авторитетных старожилов Федора Флогаити, Антона Феогности, Ивана Дедоменика и Лариона Портнова о ранней застройке этого квартала. Патриархи сообщают о том, «что где ныне состоит дом одесского купца Семена Мясникова и господина коллежского советника и кавалера Врета, места сии заняты прежними владельцами оных прежде выстроения дому титулярным советником Францем Фраполлием, ибо то гораздо позже застроено, как сказано выше сего, владельцами, а в то время, когда они были выстроены, Фраполли дома было пустопорожнее место...».³³⁴

То есть, как мы говорили, вперед застраивались угловые участки. В наше время оба места, недолго принадлежавших Мясниковым, а затем купеческому семейству из города Шуя, основателям и владельцам крупного машинопрядильного производства *Посылиных (Посылиных)*, № 69-70 в IX квартале Военного форштата, носят общий № 11 по Дерибасовской улице – это здание Государственного банка, построенное на месте первичного дома. Соответственно дом Фраполли (Марини, затем Сепича), бывший № 71, это нынешний № 13, а Врето, № 72, – дом № 15.

Подводя итоги, скажем, что в первой половине 1820-х строения по Дерибасовской в этом квартале были довольно хорошими, опрятными, однако преимущественно одноэтажными.

Дом Греческого училища

Открылось в 1817-м. Детище мощной одесской греческой общины, каковой и финансировалось. В активе – то обстоятельство, что мы хорошо знаем, как выглядело это строение в 1820-х, в пассиве (хотя в контексте наших интересов это и не столь важ-

Улица Дерибасовская. Справа – дом Греческого училища

но) – кто его возводил. Из сохранившегося архивного дела 1847 года под заголовком «По прошению попечителей Одесского греческого коммерческого училища об утверждении фасада на построение дома» видно: недвижимость в IV квартале на местах № 23 и 24 досталась общине по купчей крепости, совершенной в Херсонской палате гражданского суда 9 июня 1817 года. Однако не указано, у кого именно она куплена. В том же деле сообщается следующее: «По журналу инженерной команды отмечены за секунд-майором Кирьяковым, коему выдан из оной открытый лист 19 августа 1794 г.»³³⁵ Информация о первичном отводе указанных мест Кирьякову подтверждается соответствующей ведомостью,³³⁶ однако невозможно с уверенностью говорить о том, что застройщиком был именно он. Некоторые нюансы, о которых речь пойдет ниже, несколько укрепляют наши сомнения. Впрочем, наверняка сказать трудно.

IV квартал ограничен улицами Дерибасовской, Екатерининской, Ланжероновской и Ришельевской. Места № 23 и 24 составляют половину длины квартала по Дерибасовской (ныне – участок дома № 14) и столько же по Екатерининской (ныне – участок

дома № 17). Застройка здесь, как и на соседних местах, началась рано, она довольно крупная и плотная. Длинные дворовые флигеля – явно магазины (амбары) при фасадных жилых домах, что отчетливо просматривается на ранних планах города (1802-1814). Крупная достройка 1847-го (позднее были и другие) на месте № 23 – доходный дом. Само по себе Греческое училище никогда и не требовало столь обширных площадей. Суть дела заключалась в том, чтобы на его содержание получать прибыль от аренды помещений в принадлежавших ему доходных домах, которые в этом смысле функционировали энергично и эффективно.

Виденный Пушкиным угловой дом – добротное здание в полтора этажа, на высоком цоколе, причем цокольный этаж снабжен окнами. Как видно из ряда сохранившихся ретроспективных изображений, он очень похож на левый фасадный флигель дома Жана Рено, о котором мы скоро будем говорить. В обоих случаях главный вход в бельэтаж снабжен массивной каменной лестницей, обрамленной перилами и снабженной навесом. Здесь, как и в расположенном напротив доме Врето, где, по стечению обстоятельств, находилось первое, фактически тоже греческое училище, помещения традиционно арендовали куаферы и часовщики.

Дом Поджио

Виктор Яковлевич (Витторио Амадео) Поджио – уроженец Пьемонта в Северной Италии, католик. В российскую службу вступил в 1770-х годах по протекции Иосифа (Хосе) де Рибаса, причем изначально по медицинской части (подлекарь). Участвовал в русско-турецких кампаниях 1787-1791 годов в качестве волонтера. Особо отличился под Измаилом, и за храбрость был произведен в секунд-майоры. В 1796 году вышел в отставку, посвятив себя градостроительству и обустройству институций местного самоуправления Одессы. В 1797 году избран в городской магистрат. Занимался подрядами по поставке камня и первыми крупнейшими градостроительными проектами: сооружением Городского театра и Городского госпиталя. Владелец одного из первых и лучших домостроений на легендарном перекрестке Дерибасовской

Ришельевская улица. Слева – дом Поджио (Кирико, Новикова)

и Ришельевской (впоследствии – дом Кирико, а далее – Новикова), в котором останавливался *А.В. Суворов*, и загородного хутора. *Отец декабристов Иосифа (1792-1848) и Александра (1798-1873) Поджио*. Скончался 29 августа 1812 года, возможно, от чумы. Жена: Магдалина Осиповна Даде, умерла в 1842 году.³³⁷

Поджио – один из немногих первопроходцев, получивших участки под застройку в августе-сентябре 1794-го, которые выполнили свою задачу. Он не только выполнил ее, но и перевыполнил: возведенный им на углу Дерибасовской (ныне тут дом № 12) и Ришельевской (ныне – дом № 4) улиц обширный двухэтажный дом был лучшим из лучших в юной Одессе. Постройки по периметру охватывали места № 21 и 22 в IV квартале Военного форшта-та,³³⁸ въездные ворота располагались со стороны Ришельевской, что видно из ряда синхронных планов. Ссылаясь на ряд источников, В.А. Чарнецкий склоняется к мнению, что Поджио построил дом даже ранее первой официальной раздачи мест, и квиток на отвод выдан ему задним числом.³³⁹ Это вполне вероятно, если учесть, что территория фактически находилась в российском

Иосиф Викторович Поджио

Александр Викторович Поджио

управлении с осени 1789-го, и в 1793-м здесь уже было построено несколько домов русскими купцами.³⁴⁰

Дом Поджио был настолько хорош, что арендовался городом «для приезжающих господ генералитетов под квартирование». Так, 7 октября 1800-го городской голова Иван Кафажи нанял его для этой цели на полгода за колоссальную по тем временам сумму 750 рублей.³⁴¹ Принято считать, что *герцог Ришелье* тотчас по приезде в Одессу остановился в смежном доме, о котором мы еще поговорим, но это не так. Первое время для него нанимался как раз дом Поджио, из расчета 600 рублей в полугодие за фасадные строения и по 35 рублей в месяц за флигель, причем расчеты вельсь с его супругой Магдалиной.³⁴²

После кончины Виктора Яковлевича дом достался его вдове и сыновьям. Любопытный сюжет. Иосиф Викторович Поджио был женат на представительнице известного рода Бороздиных, также связанного с Одессой, Марии Андреевне. Эта супруга, шантажируемая собственным отцом, не суме-

ла последовать за декабристом в Сибирь, вынуждена была получить официальный развод (злые языки, впрочем, утверждали,

что она сама отказалась от мужа, как и ее сестра, бывшая замужем за декабристом Лихаревым), и впоследствии вышла замуж за князя А.И. Гагарина, лучшего из адъютантов графа Воронцова. Уже после ее кончины Гагарин женился вторично на юной красавице, княжне Анастасии Давидовне Орбелиани, но вскоре его, безоружного, в собственной резиденции (он был тогда генерал-губернатором в Кутаиси) смертельно ранил князь Дадешкелиани, но это особый разговор.

В 1821-1823 годах чиновник довольно высокого ранга, статский, а затем *действительный статский советник Лука* (вероятно, *Луциано*) *Григорьевич де Кирико* стал энергично приобретать в Одессе недвижимость (здания и сооружения, садовые участки и землю), в том числе купил у наследников и интересующий нас дом. В 1824 году оценка этого дома составляла 80.000 руб., а прибыли он давал ежегодно 5.000 руб. Это один из самых высоких показателей в Одессе тех времен. Для сравнения: другой престижный дом, приобретенный де Кирико у купца Е.Д. Ралли (который ранее купил его у капитан-лейтенанта Г.Е. Коронелли), представителя известного греческого семейства, в 1822 году, оценен лишь в 15.000 руб., правда, доходность его выше – 1.500 руб.,³⁴³ то есть 10% от оценочной стоимости (он располагался на Приморском бульваре). Это очень хорошие показатели, ибо лишь единичные помещения в городе приносили большую прибыль, да и то лишь хлебные магазины (амбары) за единственным исключением обширного доходного дома майора Андрея Буги, по той же Ришельевской улице.

Даже четверть века спустя дом Кирико, бывший Поджио, оставался одной из самых дорогих частных одесских построек. Он, скажем, оценен в три с лишним раза дороже, нежели сохранившийся по сию пору дом Прокопеуса («Два Карла»). Дом Кирико стоил больше, чем два дома богатейшего откупщика Маразли-старшего по Итальянской улице вместе взятые. В начале 1830-х дом принадлежал уже наследникам Кирико, судя по всему, его супруге, «Елене Антоновне дочери де Кирико». О Констанции де Кирико в ироническом контексте упоминает В.И. Туманский. Надо все же полагать, что он ошибся с именем, и говорит не о дочери, а о матери, Елене; дочери учились в Одесском институте благородных девиц и были вполне цивилизованны.

«Находившийся долго в Бухаресте генеральным консулом действительный статский советник Лука Григорьевич Кирико, армяно-католик, был просто человек необразованный и корыстолюбивый, – пишет желчный Ф.Ф. Вигель. – Жена же его, смолоду красотка, всегда в обществе изумляла его совершенным неведением приличий, какую-то простодушною, детски-откровенною неблагопристойностию в речах и действиях. Она мыслила вслух, никогда не смеялась, зато всех морила со смеху своими рассказами. Худенькая, живая, огненная, беда, бывало, если кто ее раздражит; несмотря на то, мистификациям с ней конца не было. Из анекдотов об ней составила бы книжица, но кто бы взялся ее написать и какая цензура пропустила бы ее? Я позволю себе привести здесь два или три примера ее наивного бесчинства. Описывая счастливую жизнь, которую вела она среди валахских бояр, говорила она мне, как и многим другим: «Все они были от меня без памяти, а как эти люди не умеют изъясняться в любви иначе как подарками, то и засыпали меня жемчугом, алмазами, шаями. Как же мне было не чувствовать к ним благодарности? Иным скрепя сердце оказывала ее; с другими же, которые мне более нравились, признаюсь, предавалась ей с восторгом». Раз поутру у Собаньской сидели мы с Паленом; вдруг входит мадам Кирико, объявляет, что намерена провести тут целый день и для того привезла с собою рукоделье. Живость разговора не позволила сперва заметить, в чем оно состояло; когда же Собаньская на столе увидела малиновое бархатное мужское исподнее платье, то почти с ужасом вскрикнула: что это такое, моя милая? «Да так, – отвечала она, – вы знаете, какой мерзкой скряга у меня муж; с трудом могла у него выпросить эту вещь; хочу ее здесь распороть и выкроить из нее шпинцеры для дочерей». С трудом могли ее уверить, что это уже слишком бесцеремонно. Из этого можно посудить о прочих поступках сей нарядной, даже превосходительной шутихи, которая, впрочем, кое-как выучилась по-французски и давала у себя иногда вечера. Две миленькие скромные дочки ее, Констанция и Валерия, перестали уже краснеть от ее слов, а показывали вид, будто их не слышат. Вообще служила она публичным увеселением, но Собаньская как-то особенно умела ею овладеть».

Полагаю, насчет необразованности Л.Г. Кирико Вигель перегибает. Возможно, он имеет в виду некоторую неотесанность человека, на протяжении многих лет находившегося в обстоятельствах, скажем так, недоцивилизованности. Сохранилась его обширная дипломатическая переписка 1800-1810-х – с А.Я. Италийским, А.А. Жерве, И.Ф. Болкуновым, Ф.И. Недобой, Н.П. Румянцевым, которая вовсе не свидетельствует о его необразованности. Что до алчности, тут пока нечего возразить по существу.

С самых ранних эпох существования Одессы в верхнем этаже дома Кирико располагались элитарные увеселительные заведения: сначала коммерческое казино итальянца Луиджи Лемме, а затем знаменитая ресторация Маттео, славившаяся, опять-таки, итальянской кухней. Редкий мемуарист не упоминает об этом заведении: о нем повествуют известные некогда бытописатели Болеслав Маркевич, Осип Чижевич, Константин Скальковский, несколько представителей семейства де Рибас и др. В ресторане Маттео, между прочим, давали обед Н.В. Гоголю во второй его одесский визит, в 1851 году. На этой вечеринке присутствовал цвет «умственной Одессы»: Лев Сергеевич Пушкин – младший брат поэта, служивший тогда в местной портовой таможне, Николай Григорьевич Тройницкий – выпускник Ришельевского лицея, редактор «Одесского вестника», выдающийся общественный деятель, литератор, Николай Петрович Ильин – директор русской драматической труппы в Одессе (безоружным зарублен в Кутаиси, когда пытался защитить генерал-губернатора князя Гагарина – смотри выше). Совершенно очевидно, что обитавший в 1823-1824 годах в находившемся на противоположной стороне улицы доме Рено (бывшем князя Г.С. Волконского) А.С. Пушкин не мог не посещать упомянутое коммерческое казино. Это еще несколько «мемориальных симптомов».

Согласно архивным документам, 30 декабря 1832 года «торгующий в Одессе по свидетельству купца 3-й гильдии иностранец Франциско Синьорини» просил разрешить ему открыть гостиницу в первой части города, в первом квартале, при доме генерала Кирико. Вспоминая свой приезд в Одессу в июне 1828

года, «Геродот Новороссийского края» Аполлон Скальковский пишет: «Вся эта публика (собравшаяся возле Городского театра до начала спектакля. – О. Г.) кушала мороженое, приготовляемое тогда стариком Синьорини, вызванным, как говорят, самим адмиралом де Рибасом из «Толедских кондитерских» в Неаполе».

В 1830-х годах помимо высококлассных увеселительных заведений, включая кафе-кондитерские, в доме де Кирико помещались лучшие салоны мод, парикмахерские, часовые, ювелирные, оптические мастерские, музыкальные, оружейные, табачные и так называемые «Английские магазины». При этом традиционно наблюдается некоторый уклон как бы в «мужской набор спроса». Тут, например, работали наиболее востребованные в Одессе мужские портные, французы Лангле и Мишель, преемники прославившегося здесь еще ранее Тессье, а также греческий закройщик Ахилл Приор. Впрочем, параллельно функционировал и популярный дамский салон французской модистки Битру. Повидимому, именно здесь находился «*музыкальный магазин*», о котором упоминается в заседании Строительного комитета 10 мая 1821 года: здесь немалою ценою покупали «разные ноты для вокальной и инструментальной музыки» Сиротскому дому.³⁴⁴

Здесь трудился лучший ювелир времен Воронцова – Розагутти (Розегутта), великолепные изделия которого демонстрировались на первой одесской художественно-промышленной выставке 1837 года, приуроченной к визиту императора Николая I. Тут же занимался исполнением частных заказов механик Ришельевского лица Карл Эдвард Фальк, впоследствии устроивший первый местный частный чугунно-литейный завод, и немецкий же оптик Штейнгардт, в дальнейшем служивший в Императорском Новороссийском университете. Довольно долго в доме Кирико процветала знаменитая кондитерская Адольфа Замбрини (он славился, кроме всего прочего, как искусный фехтовальщик), собиравшая самую изысканную публику, а на смену ей пришло аналогичное заведение Шаца, но уже с немецким уклоном. Любопытно, что много лет спустя, когда владельцем расположенного уже в Пале-Рояле кафе был Евгений Замбрини, его посещал А.П. Чехов.

Еще с тех времен, когда дом принадлежал наследникам Поджио, здесь располагался лучший в городе «Английский магазин», принадлежавший авторитетному негодянту и общественному деятелю Кортацци. В 1817 году он взял на службу приглянувшегося ему 16-летнего паренька, выходца из Вюртемберга, Вильгельма Вагнера. Юноша оправдал его надежды исключительным трудолюбием, честностью, сметкой, доброжелательностью, и 1 марта 1833 года, будучи старшим приказчиком, получил этот бизнес в свои руки: семейство Кортацци к этому времени занималось крупными внешнеторговыми операциями, и магазин уже не представлял для них прежнего интереса. Компаньоном Вагнера стал представитель известной греческой купеческой фамилии Михаил Петрококино, но довольно скоро они мирно разошлись, причем каждый сумел отлично реализоваться.

Следует уточнить, что же собой представлял «Английский магазин». Собственно говоря, это был салон роскошных, престижных, качественных зарубежных товаров. Перефразируя Пушкина: всё, чем для прихоти обильной торгует Лондон щепетильный. Прежде всего, блистательная английская посуда от Веджвуда, лампы, плафоны, столовое белье и серебро, мелкая пластика, галантерея, оптика, мебель и т. д. и т. п. Это вовсе не означает, что там не могли реализовывать богемский хрусталь, саксонские сервизы, китайский фарфор, позднее в ход пошли немецкие швейные машинки, канцелярские товары, велосипеды, французские кофемолки, папильотки, щипцы для завивания волос, эстампы, люстры, итальянское стекло и др.

Многие годы магазин Вагнера располагался в доме Кирико, а осенью 1865 года перешел в бывшие лицейские помещения, что в соседнем квартале по Дерибасовской. Произошло это через несколько лет после того, как Вагнер в 1858 году обменял принадлежавшую ему гостиницу «Европейская», примыкавшую к Городскому саду со стороны Преображенской, на комплекс старых строений Ришельевского лица. С тех пор они и получили название «Дом Вагнера», там стремительно сформировался масштабный торгово-развлекательный городок, как бы наследовавший одряхлевшему Пале-Роялю. Но это отдельный сюжет.

В.А. Чарнецкий пишет: «В пушкинское время в этом доме была резиденция дуайена дипломатического корпуса в Одессе, *английского консула Джемса Эмсса*». ³⁴⁵ Речь тут идет о *Джеймсе (Якове Андреевиче) Емсе* (в русской огласовке встречаются разночтения: Иемс, Ямс, Ямес, Эймс, Эмсс, Жамес, Джемс), который унаследовал должность умершего 16 января 1819-го отца – Генри Сэвэджа (Гейнриха Сэмюэля) Емса, к слову, масона. Продолжительное время наряду с консульской службой Емс занимался масштабными внешнеторговыми операциями, состоял в гильдии. Фирма «Land-er and Yeames» часто упоминается как грузополучатель и грузоотправитель в сообщениях «Journal d’Odessa» за 1824-й и другие годы. Не был чужд благотворительности. Его супруга Елисавета Васильевна Емс состояла в Женском обществе призрения бедных до начала Крымской войны, была домовладелицей. В тот же период вице-консулами в Таганроге служили Александр (шведским и норвежским), Вильям (английским) и Генрих (испанским) Емс. ³⁴⁶

Согласитесь, любопытное соседство: Пушкин жил напротив резиденции Емса, в Клубной гостинице. Емсы – не какие-нибудь чопорные британские дипломаты, а расчетливые купцы, исполнявшие консульские функции. Младший провел в Одессе всю сознательную жизнь, начиная с 1798 года, насквозь пропитался ее коммерческим духом. Разумеется, он не мог не посещать регулярно Клубный дом, где помещались Биржевая зала, коммерческое казино, ресторация Отона при гостинице – то были центральные в городе места торговых и политических новостей, традиционные собрания деловых людей: негоциантов, маклеров, навигаторов и т. д. Трудно вообразить, что пути Емса и Пушкина не пересекались на таком крохотном пятачке.

Примечания

²⁷⁶ Записки Одесского общества истории и древностей. Т. III. – Одесса, 1853, с. 591

²⁷⁷ В.А. Чарнецкий. Древних стен негласное звучанье. – Одесса: «Друк», 2001, с. 28

²⁷⁸ ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 693, л. 1, 2, 3.

²⁷⁹ Там же, ф. 4, оп. 1А, д. 215, № 93.

- 280 Одесский вестник, 1833, № 29, 82; Новороссийский календарь на 1837 г., с. 163.
- 281 Одесский вестник, 1831, 13, 16, 23 мая, № 38, 39, 41.
- 282 Одесский вестник, 1829, 2, 23 февраля, № 10, 16; Новороссийский календарь на 1837 г., с. 166.
- 283 Одесский вестник, 1828, 27 октября, 29 декабря, № 86, 103-104.
- 284 Остафьевский архив князей Вяземских. Т. V. Вып. 2. – Письма В.Ф. Вяземской П.А. Вяземскому за 1824 г.
- 285 Антония Глассе. Пушкинская Одесса в письмах графини Е.П. Гурьевой. Новые материалы. – Санкт-Петербург – Итака, Нью-Йорк, 1995.
- 286 В.И. Туманский. Стихотворения и письма. – СПб., 1912, с. 266, 308.
- 287 Там же, с. 278.
- 288 Там же, с. 298.
- 289 Там же, с. 300.
- 290 Неизданные письма к Пушкину П. Публикации Л. Гарского, В. Нечаевой, Д. Якубовича. – М.: Журнально-газетное объединение, 1934, с. 607–616; Литературное наследство. Т. 16/18.
- 291 К.П. Зеленецкий. Сведения о пребывании Пушкина в Кишиневе и Одессе. – Москвитянин, 1854. – № 9, Смесь, с. 7-10.
- 292 Одесский вестник, 1831, 13, 16, 23 мая, № 38, 39, 41 и др.
- 293 Олег Губарь. Пушкин. Театр. Одесса. – Одесса: ВТПО «Киноцентр», 1993, с. 70-76.
- 294 Одесский вестник, 1827, № 33.
- 295 Journal d'Odessa, 1823, 24 novembre, № 3.
- 296 ГАОО, ф. 4, оп. 1А, д. 508 (дело утрачено, но его название вполне информативно); Там же, ф. 17, оп. 3, д. 706.
- 297 А.И. Серков. Русское масонство: 1731-2000. Энциклопедический словарь. – М: РОССПЭН, 2001, с. 409.
- 298 Journal d'Odessa, 1824, 12, 17 novembre, № 129, 131.
- 299 ГАОО, д. 627, оп. 1, д. 1, л. 25.
- 300 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 259, л. 306 и др.
- 301 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 262, л. 331; Там же, д. 273, л. 11; Там же, ф. 59, оп. 1, д. 114, л. 4, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 253, 254, 255-256.
- 302 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 278, л. 337 об. – 338, 364.
- 303 Одесский вестник, 1856, № 113.
- 304 ГАОО, ф. 2, оп. 11, д. 1, л. 47 об., 50 об.
- 305 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 283, л. 235.
- 306 Там же, д. 16, л. 6 об.

- 307 Одесский вестник, 1830, № 8-9.
- 308 ГАОО, ф. 59, оп. 3, д. 185. – 3 л. (дело утрачено, но его название весьма информативно); Там же, д. 336. – 6 л.
- 309 Первая одесская выставка. – Б. м., 1837, с. 17.
- 310 Одесский вестник, 1828, 28 июля, № 60.
- 311 Там же, 1829, 18 (30) мая, № 40.
- 312 ГАОО, ф. 4, оп. 8, д. 561, л. 2, 11
- 313 Одесский вестник, 1841, 9 апреля, № 29.
- 314 Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 326, 461-462.
- 315 ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 274, л. 266-267, 480; Там же, ф. 59, оп. 1, д. 127, л. 715, 716, 717, 718.
- 316 Там же, ф. 4, оп. 1А, д. 133, ч. 2, № 601; Там же, д. 215, ч. 2, № 62.
- 317 Там же, ф. 18, оп. 3, д. 7, л. 59-60.
- 318 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 281, л. 220.
- 319 Одесский вестник, 1831, 14 марта, № 21.
- 320 Там же, 22 августа, № 67.
- 321 П.Т. Морозов. Одесса в 1830 году. – В сб.: Одесский альманах на 1831 год. – Одесса, 1831; П. Морозов. Праздники Рождества Христова и Новый год в Одессе. – В сб.: Подарок бедным. Альманах на 1834-й год, изданный Новороссийским женским обществом призрения бедных. – Одесса, 1834, с. 99.
- 322 Одесский вестник, 1827, № 50.
- 323 Олег Губарь. Пушкин. Театр. Одесса. – Одесса: ВТПО «Киноцентр», 1993, с. 70-76.
- 324 Смольянинов К.Н. История Одессы. – Одесса, 1853, с. 139.
- 325 А. Орлов. Исторический очерк Одессы с 1794 по 1803 год. – Одесса, 1885, с. 138.
- 326 ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 13, л. 42-43.
- 327 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 264, л. 117; Там же, д. 265, л. 285.
- 328 Там же, ф. 59, оп. 1, д. 75, л. 422-425; Там же, ф. 2, оп. 5, д. 266, л. 3.
- 329 Там же, ф. 59, оп. 1, д. 80, л. 100.
- 330 Там же, д. 88, л. 75, 76.
- 331 Там же, д. 4, л. 8-10.
- 332 Олег Губарь. Автографы Одессы. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 390-398.
- 333 ГАОО, ф. 4, оп. 1А, д. 215, № 92.
- 334 Там же, ф. 59, оп. 1, д. 174, л. 34.
- 335 Там же, оп. 2, д. 1092. – 3 л.
- 336 Записки Одесского общества истории и древностей. Т. III. – Одесса, 1853, с. 591.

- 337 Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 302.
- 338 Записки Одесского общества истории и древностей. Т. III. – Одесса, 1853, с. 591.
- 339 В.А. Чарнецкий. Древних стен негласное звучанье. – Одесса: «Друк», 2001, с. 27.
- 340 Одесский вестник, 1889, 21 августа (2 сентября), № 222.
- 341 ГАОО, ф. 4, оп. 1А, д. 2А, л. 41.
- 342 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 257, л. 37 об.
- 343 ГАОО, ф. 4, оп. 1А, д. 215, л. 8-14, № 96, 114.
- 344 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 279, л. 405-406.
- 345 В.А. Чарнецкий. Древних стен негласное звучанье. – Одесса: «Друк», 2001, с. 27.
- 346 Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 307.

